

Война пришла в наш дом не сразу

Н. А. Сотников

Поведал я в очерке «На рассвете нашей Победы» о майских днях в Берлине 1945 года и понял, что не могу теперь не рассказать и об июньских днях сорок первого, о первых днях и месяцах войны, которую я встретил на невских берегах. Нет, точнее, – на балтийских, если говорить о самом-самом начале.

22 июня немцы бомбили Кронштадт. Я видел этот бой, стоя напротив острова Котлин в Коломягах, где находился на отдыхе, столь долгожданным после завершения работы сразу над двумя сценариями художественных фильмов: «Отец и сын» о сталеварах Колобовых и «Певец из Лилля» о знаменитом французском шансонье, авторе гимна «Интернационал», столяр-краснодеревщике и композиторе Пьере Дегейтере. Первый фильм был уже закончен производством на киностудии «Ленфильм», а съемки второго на той же студии шли полным ходом – отснята была почти вся летняя натура в Выборге, столь похожем на города северной Франции. Мог ли я в ту первую минуту войны представить себе, что фильм «Отец и сын», который успеют отпечатать всего лишь в 14 копиях, будут вскоре показывать бойцам Ленинградского фронта, а второй, самый дорогой для меня за все годы творческой работы фильм, безвозвратно погибнет в военном пламени (и негативная пленка, и все подготовительные материалы)?.. Впоследствии, после войны встречаясь в Ленинграде с замечательным артистом Владимиром Честноковым, моим Сергеем Колобовым и юным Пьером Дегейтером, мы не раз сокрушались о том, как в одно мгновение война оборвала экранную жизнь его и моего любимого героя.

Первые мгновения войны, ее первые часы и дни у меня, участника Гражданской войны, войны Финской и походе в Западную Украину и в Западную Белоруссию, вызвали

чувство, нет, не страха, а чувство яростного возмущения: я своими глазами видел, как все шоссе было усеяно забытыми кладью машинами! Это новая «знать» спешно покидала не только пригород, но и вообще городские пределы. Спасаясь бегством номенклатура среднего и младшего ранга, те самые чиновники, которые еще день назад, бия себя кулаками в грудь, кричали о патриотизме и призывали к новым успехам «на всех фронтах строительства и защиты социалистического Отечества».

Как я потом узнал и увидел, бежала «знать» и из Ленинграда – под самыми разными предлогами, не страшась порою ни закона, ни административной, ни партийной ответственности.

У нас в Ленинградской писательской организации дело обстояло несравнимо лучше. Писательская молодежь (а молодых писателей тогда было немало, не то, что в 1960-е и 1970-е годы!) уходила в райвоенкомат Дзержинского района. Просились в добровольцы и люди постарше, но их просили подождать. Наша писательская «знать» сразу же запросилась не на фронт, а на Восток и заполнила тот самый эшелон, который был предоставлен детям представителей художественной интеллигенции Ленинграда. «Спасите наши души!» – таков был вопль всей этой «знати». Ее настроения, ее подлинную, а вернее, подленькую, сущность прекрасно уловила замечательная женщина, гражданин и поэтесса, жена Алексея Николаевича Толстого Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая в своем стихотворении 1941 года:

*А беженцы на самолетах
Взлетают в небо, как грачи.
Актеры в тысячных енотах,
Лауреаты и врачи.
Директор фабрики ударной,
Зав. треста, мудрый плановик,
Орденосец легендарный*

*И просто мелкий большевик.
Все, как один, стремятся в небо,
В уют заоблачных кают.
Из Вологды писали: – Хлеба,
Представьте, куры не клюют!
Писатель чемодан каракуль
В багаж заботливо сдает.
А на жене такой каракуль,
Что прокормить их может с год.
Летят. Куда? В какие дали?
И останутся на чем?
Из Куйбышева нам писали –
Жизнь бьет по-прежнему ключом.
Ну, что ж, товарищи, летите!
А град Петра и в этот раз,
Хотите ль вы, иль не хотите,
Он обойдется и без вас!
Лишь промотавшиеся тресты
В забитых наглухо домах
Грустят о завах, как невесты
О вероломных женихах¹.*

О публикации этого стихотворения в те времена не могло быть и речи, но в наших узких кругах творческих работников оно имело хождение уже тогда и покоряло нас своей жесточайшей правдой, горестным сарказмом и прозорливостью.

Я лично знал Наталью Васильевну, не раз встречался с нею в доме Алексея Николаевича в Детском Селе². В ту пору я много занимался издательскими делами в «Прибое» и в «Пролетарии», и среди моих постоянных авторов были и К. Федин, и Ю. Тынянов, и Б. Лавренев, и В. Каверин. С Алексеем Николаевичем я не раз советовался по душам. Он удивительно широко умел смотреть на литературный процесс и на издательское дело. В наши общие разговоры легко и органично входила и Наталья Васильевна. Она уже и в те довоенные годы отлично знала каждому пишущему цену не только литературную, но и человеческую, и, как мне кажется, очень точно предвидела, кто кем окажется в тяжелую годину.

Я лично наизусть помню только первую строфу и совершенно убийственный эпитет из следующей: «А беженцы на самолетах взлетают в небо, как грачи, актеры в тысячных енотах, лауреаты и врачи...» А это сочетание прямо до сих пор глаз, слух и сердце режет: «...и просто мелкий большевик». Вот эти-то «мелкие большевики» и оказались на деле самой большой опасностью во все периоды нашей истории, начиная со времен предреволюционных и

посейчас. Нет нужды уточнять, что самолетные рейсы были крайне малочисленными, посадки и лимиты строго регламентировались как минимум на городском уровне. Значит, у всех этих «летунов» были свои люди наверху. Разумеется, и самый «верх» составлял списки тех, кто подлежал крайне желательной эвакуации как национальное достояние. Но таких имен всегда было и есть крайне мало, а вот тех, кто выражает национальное недостоинство всегда хватало с лихом!

До сих пор перед глазами стоят и вагоны того самого «эшелона на Восток». Наши писательские жены отбирали для первоочередной эвакуации прежде всего малышей, но и малышей потеснили... «тузы», «короли» и «валеты». Перераспределение происходило в Перми, где командовали опять же представители сей «знати», которые в результате всех интриг вытолкнули писательских жен и малышей в деревню Чёрная. (Очень, между прочим, эмоционально означенное название!) Обо всем этом мы узнавали в блокадном уже Ленинграде много месяцев спустя, но и в ту пору горькое предчувствие томило каждого из нас.

Когда стало формироваться Народное ополчение, то был создан так называемый писательский взвод – великолепное проявление, с одной стороны, патриотизма, а с другой, головотяпства. Если в армии Народного ополчения литераторов стремились использовать для работы по специальности, то Дзержинский райвоенкомат создал слабосильный «взвод очкариков» (их так сразу же и окрестили) и сразу же бросили их на передовую. Командовал этим взводом чудесный человек и своеобразный прозаик, герой челюскинской эпопеи Сергей Семенов. Погиб в рядах этого взвода человек, которого я лично хорошо знал, – мой довоенный приятель поэт Евгений Панфилов. До сих пор история этого подразделения больно отзывается в моем сердце!

Однажды, уже в 1970-е годы, мне довелось выступать на пленуме военно-патриотической комиссии Всероссийского театрального общества. Речь шла прежде всего о репертуаре. Я в своем выступлении категорически протестовал против сильнейшей струи жертвенности,

тем более жертвенности напрасной! В этом спектакле все погибли, в этом – тоже... А кто же в живых остался? Кто же победил? Нам непременно победителя показывать надо! А победить можно было и словом, как это блистательно сделала Крандиевская-Толстая. О том, какой страшный риск таился в ее стихотворении, я думаю, и говорить не надо! А она, ученица русской литературы, с детских лет лично знавшая М. Горького, В. Короленко, Г. Успенского, не могла поступить иначе. Не могла! Толстовский девиз «Не могу молчать!» был в ее сердце. Осталась в блокадном городе. Должна была остаться. Себе приказала.

Что же касается меня, то я себе приказал отправиться в одну из школ Выборгского района, где формировался полк ленинградцев-добровольцев. Дома, на Мойке, у меня хранилось военное обмундирование. Одевшись по форме, я встал в строй бойцов, еще одетых в гражданское. Но тут же был выведен из шеренги. Как работник фронтовой печати я имел звание капитана, а наш командир оказался старшим лейтенантом.

– Выйдете, выйдете из строя, товарищ капитан, обратитесь в штаб полка за назначением!

К утру отыскалась для меня штатная единица – переводчика с немецкого языка. Учили нас в реальном полтавском училище неплохо: на французском языке я брал в 1928 году интервью у Пьера Дегейтера, а в 1941 году допросил и первых немецких пленных под Пулковскими высотами.

И все-таки главным делом для меня стали живые беседы с бойцами о великом городе, который они были призваны защищать. Я вел речь и об архитектуре, и о скульптуре, и о литературных именах, составивших нашу славу и гордость, и о музыке, и о театре, и о самом молодом искусстве – кино, к которому как автор сценариев десятка документальных, научно-популярных и двух художественных фильмов имел самое прямое отношение. Что же касается бесед по истории архитектуры, то я каждый раз мысленно благодарил моего славного учителя профессора Петра Николаевича Столпянского, который нам, слушателям Высших курсов искусствознания при Институте истории искусств, давал такую

подготовку, запасов которой мне, например, хватило на всю жизнь!

«Вот – величайшие достижения гения нашего народа! И вы, стоящие на переднем рубеже обороны Ленинграда, призваны их спасти и сохранить, а фашистские головорезы спят и видят втоптать их в грязь!» – таковы были итоговые тезисы моих политбесед.

Я всячески избегал сложных словесных конструкций, обильной терминологии, нагнетания незнакомых бойцам имен... Доходчивость, задушевность, сердечность – вот главные принципы наших бесед у черты обороны города. Правда, начинали бойцы знакомиться со мной еще на сборных пунктах, но вскоре мы в 42-й армии встали у Пулковских высот, словно неприступная стена. От этой невидимой стены до совершенно реальных стен Рейхстага и пролегал мой боевой путь.

И тут родилась чудная форма пропаганды – окопные тетради! Внешне – тетради как тетради, обычные, школьные. Прочти – передай товарищу! Написал сам, попроси соседа написать тоже: о себе, о друзьях-товарищах, о доме, о фронте, о заветных чувствах и мыслях... Дивные были это слова! Жаль, что сбереглось так мало! Эти окопные тетради необыкновенно сближали людей, знакомили их друг с другом несравнимо порою лучше, чем собрания, которые носили куда более официальный характер. Когда-то еще выйдет номер газеты, когда она придет именно в твой взвод, в твоё отделение!.. А вот окопная тетрадка обежала путь, порою весьма длинный, и в твоё же отделение и вернулась! Один круг, два, три опишет такая тетрадка и вернется и ко мне. Бездна материала! Что-то сгодится для текущего номера дивизионной и армейской газеты, о чем-то можно и нужно будет сообщить в нашу фронтовую «На страже Родины», что-то для очередных бесед использую, а бывали страницы с таким дальним прицелом, что мне казалось, будто мне, уже в далекие послевоенные годы, адресованы те или иные слова.

Вскоре меня прикомандировали к Объединенной киностудии и привлекли к сценарной работе, посчитав ее главной, однако, полностью не освободив от прежних обязанностей. С одной стороны, нагрузка возросла,

а с другой – появилась несравнимая ни с чем возможность самостоятельного планирования времени, что, согласитесь, и в обычной-то гражданской жизни большая редкость и подлинное чудо, а в армии, да еще в военное время, вообще чудо из чудес! Так я получил возможность свободно передвигаться по блокадному городу и видеть то, что совершенно было бы недоступно мне в иных ситуациях. Мне позволялось и самостоятельное планирование, и посещение музеев и библиотек, давалась возможность завязывать деловые и творческие контакты, то есть делать то, что я как профессиональный писатель делал и в совсем еще недавние довоенные дни.

Повезло мне в этом смысле как литератору и позволило все это не только построить по-своему работу в военные годы, но и определило во многом мои планы на последующую жизнь. Во всяком случае книгу довоенных и блокадных документальных новелл «Были пламенных лет» я бы в противном случае никогда не написал!

Таким образом, блокаду мне довелось видеть как бы с разных сторон, с разных ракурсов, выражаясь кинематографически. Оказавшись в ближних тылах, я всегда имел возможность, миновав контрольно-пропускной пункт у Московских ворот (тогда они были разобраны, воссозданы уже в послевоенные годы), опять попасть прямо в окопы к своим фронтовым друзьям-товарищам.

Признаюсь честно, от начальства мне частенько доставалось, как оно выражалось за «панибратство», за «отсутствие чувства субординации». Но для меня, по духу человека штатского, звания и должности носили формально-деловой характер и никогда не определяли ни человеческой сущности, ни сущности человеческих отношений. Посему бойцы и младшие командиры встречали меня душевно, запросто, что видно и из сохранившихся в моем фронтовом архиве фотографий. Вот так же запросто я и вникал в секреты боевого мастерства у наших славных снайперов – Феодосия Смолячкова, Александра Говорухина, Николая Остудина и Ивана Добрика. Эти парни столько фрицев уложили, что собой, ну, может, целый батальон пехотный заменить смогли!

То, что у меня не было одной, неизменной точки наблюдения за происходившими событиями, оказалось, пожалуй, самым главным в моем фронтовом опыте: широкая кинематографическая панорама жизни, сражающейся со смертью, предстала перед моим, отнюдь уже не юношеским взором. Бывало даже так: в течение одного дня я был то фронтовиком, то блокадником, то почти военным человеком, то опять сугубо штатским. Насколько это возможно в городе-фронте, в осаде. И я не раз подумал о том, что эта необычная вольность (и это-то при моем очень скромном воинском звании: сперва меня аттестовали заново на интенданта III ранга, а затем я стал старшим лейтенантом – дальше роста не было – надо было соглашаться на ряд должностей административного характера, а этого мне делать решительно не хотелось!) сродни той вольности, которая была у моих давних предков – запорожских казаков, от которых я унаследовал не только фамилию.

Зима срока первого года, сорок второй год принесли мне немало ярких впечатлений и открытий: это и творческая дружба с воинами и с блокадниками, и возрождение кинохроники и кинодокументалистики, и создание ансамбля 42-й армии и, конечно же, повседневная работа в дивизионной, армейской и фронтовой печати.

Объявилась война сразу, а пришла в наш дом и в наши сердца далеко не вдруг: к тому, что она, война, идет и будет идти долго, надо было привыкать. Тогда, в сорок первом, я не раз вспоминал свой боевой опыт времен Гражданской войны и совсем недавний и постоянно задавал себе вопрос: «Что можно взять на вооружение в плане духовного опыта, а что нет?». Этот вопрос, по-моему, был и остается главным в военно-исторической теме в литературе и в других видах искусства. Одно изречение вспоминалось постоянно – это слова комбрига Котовского, у которого во взводе охраны штаба я начинал свой воинский путь: «Не тот боец, кто испытал тягость поражений, а тот, кто испытал вкус победы!»

Один эпизод по-кинематографически ярко вижу я до сих пор. У самых Пулковских высот, где красуются гранитные и мраморные творения Воронихина, –

первые разрозненные, изможденные, крайне удрученные группы отступающих солдат и младших командиров. Зрелище это куда более тягостное, нежели встречи с многочисленными беженцами из числа самых что ни есть мирных граждан. Среди них – старики, женщины, дети... Как их упрекнуть в отсутствии боевого, наступательного духа! Другое дело – бойцы с оружием в руках. Их непременно надо остановить, заставить себя слушать, дать им опомниться, вернуть их в строй, а главное – настроить их души, перестроить их настроение.

Мне таких приказов тоже формально никто не давал. И этот приказ, как и многие другие самоприказы, я отдал себе сам. И помогла мне вновь юность моя. Я вспомнил 1918 год, такие же группы солдат старой русской армии – кто из плена, как в пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», кто из окружения недавнего, кто просто так, отсиживался по лесам да по хуторам... И вот они маленькими группами тянутся на Родину. А я, еще в сущности мальчишка, недавний ученик-реалист из Полтавы, иду на встречу со словами привета, понимания, участия. Мы делаем привал,

кто-то достает фляги с водой, кто-то обувь... Первые слова, первые взаимные взгляды – глаза в глаза.

«Нет, – говорю я им, – не погибла Родина, не погибла наша армия. Где она? Да вот она! Это – вы. Вы и есть будущая армия!»

Примерно так я вел свои первые беседы в том самом девятнадцатом году на Украине. Так я говорил и тогда у самых Пулковских высот в самые страшные первые дни Великой Отечественной. Это и были первые наши шаги к Победе в мае сорок пятого.

*Подготовка текста
и примечания
Н. Н. Сотникова*

¹ Это стихотворение было опубликовано Е. Евтушенко в антологии «Строфы века» в 1994 году.

² С 1937 года – г. Пушкин.

Ленинградские энергетрики в годы блокады (1941–1944)

В. Б. Груздев

Петербург, Петроград, Ленинград и опять Петербург, или чаще просто Питер – не многие города могут похвастаться таким многообразием названий, и не каждый город мог бы пережить (да, именно пережить и победить!) 900-дневную блокаду.

Много рассказано, написано, снято художественных и документальных фильмов о блокаде Ленинграда, но, к сожалению, почти нигде ни сказано о ленинградских энергетиках в те тяжелые блокадные годы.

Мне стало обидно за своих старших коллег, которые первыми прорвали блокаду города, вернув жителям, свет и тепло уже в начале 1942 года, и я решил хоть как-то восстановить историческую справедливость.

В архивах Ленинграда и «Ленэнерго» мною были изучены имеющиеся материалы, касающиеся ленинградской энергетики в годы войны. К сожалению, большая часть документов военного времени погибла, конкретные сведения

приходилось собирать буквально по крупицам. Но особенно ценный исторический материал был получен из частных встреч и бесед с непосредственными участниками тех событий, с живыми энергетиками блокадного Ленинграда. При встречах с участниками блокадных дней, а таких встреч было более 50, я видел, как преображались их лица, как они рассказывали буквально по минутно о событиях страшных дней, словно вся жизнь этих прекрасных ленинградцев спрессовалась в 900 дней и ночей и другой жизни не было, и не будет...

Но как бы то ни было, ленинградские энергетики сумели оставить о себе глубокую память в оброне города на Неве.

Известно, что на Ленинград наступала германская группа армий «Север», состоящая из двух полевых армий и содержащая в себе более полумиллиона солдат и офицеров под командованием генерала-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба.

Мы не предполагали, что противник так легко пройдет все Прибалтийские советские республики и уже к середине июля 1941 года окажется в Ленинградской области. Поэтому полной линии обороны Ленинграда с южной стороны у нас не было.

Нужно было срочно возводить южный вал обороны города Ленина. Лужская линия обороны, отстоящая от Ленинграда на 200–210 км на юг, на строительстве которой было занято свыше 475 тысяч жителей Ленинграда и 250 тысяч жителей Ленинградской области, состояла из двух рубежей до 175 км протяженностью по фронту и глубиной – 10–12 км¹.

Минные поля, противотанковые рвы и надолбы, глубокие траншеи и километры колючей проволоки должны были хоть как-то остановить врага на ближних подступах к Ленинграду.

Вот здесь-то и были впервые в военной истории применены электрические заграждения, разрабо-